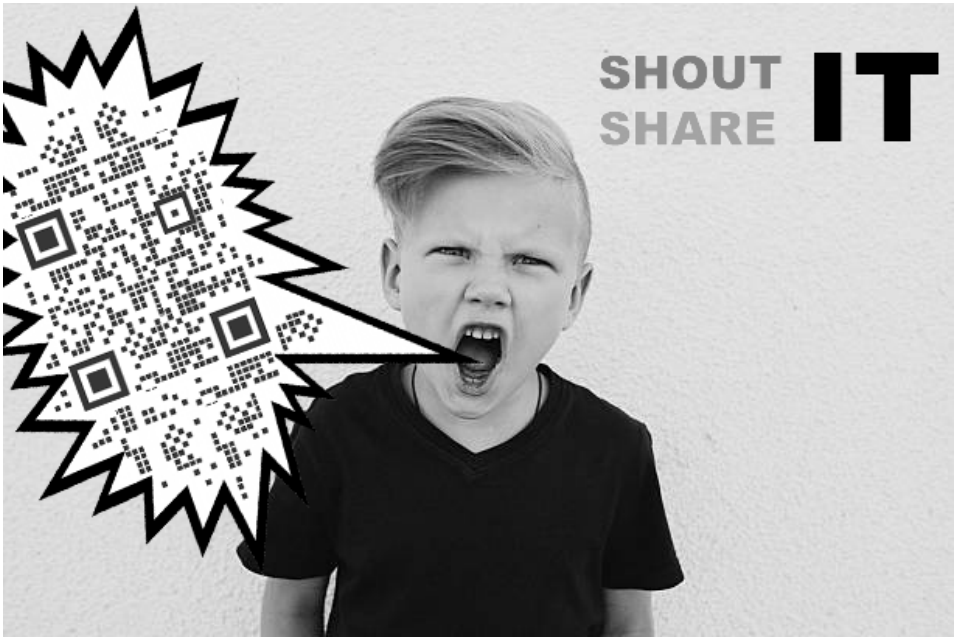
ДРУГОЙ
ДРУГИЕ
ДРУГИХ

ДЕТСКИЙ ПРОЕКТ
ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ

МАРИНА БУТОВСКАЯ

О ДОХЛОЙ КОШКЕ И ЖИВЫХ КОТЯТАХ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Все люди рождаются и умирают – и у каждого народа с рождением и смертью связаны удивительные обычаи и обряды. Что такое инициация? Что такое «мужские» и «женские» дома? Почему к рождению мальчика или девочки относятся по-разному? Как у разных народов хоронят умерших? Об этом и о многом другом вы узнаете из книги Марины Бутовской – истории о дружбе русской и папуасской девочек и о том, чему они научились, всего лишь ухаживая за осиротевшими котятами.

- Марина Бутовская
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6

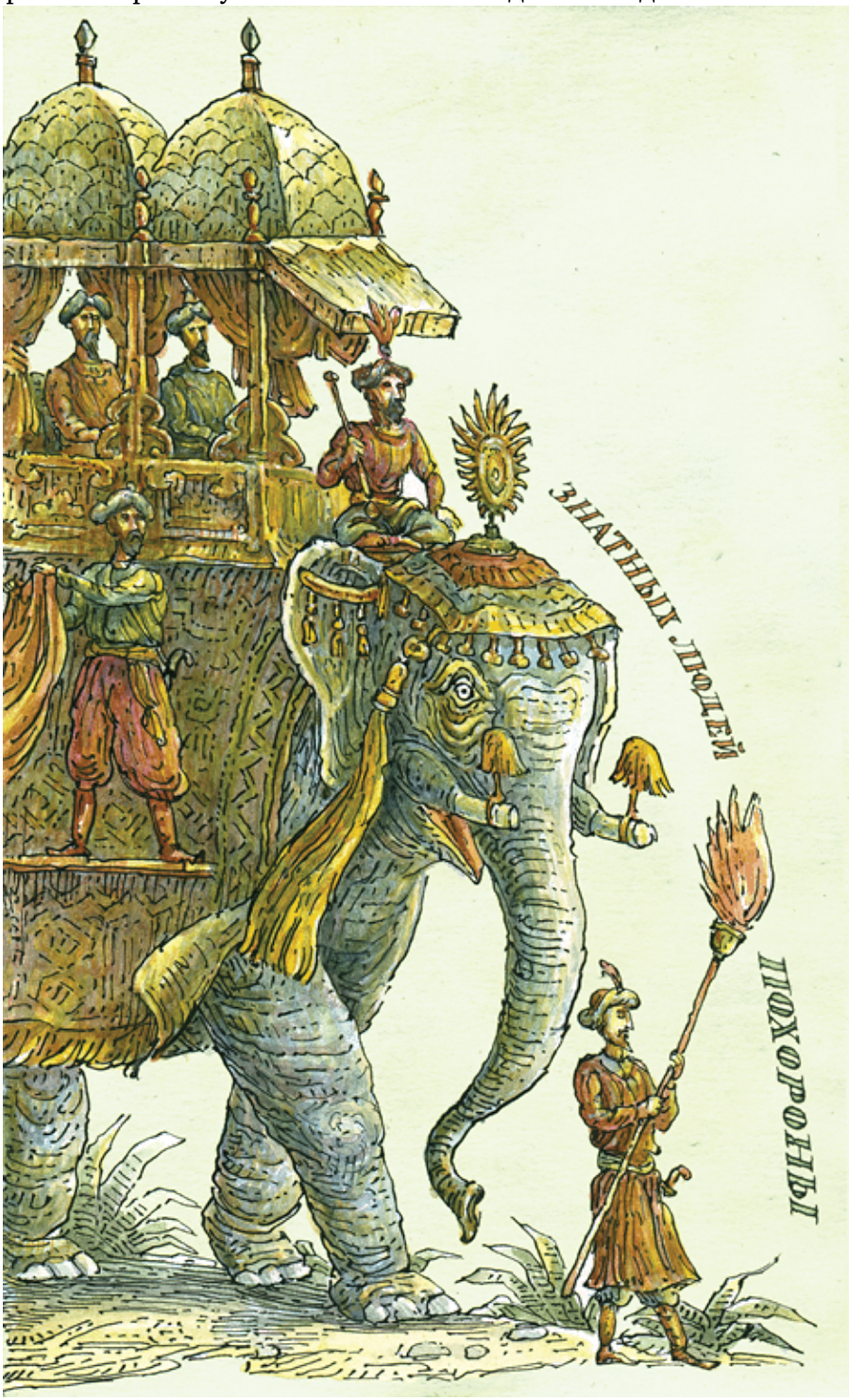
Марина Бутовская
О дохлой кошке и живых котятах

Знакомьтесь – Марина Бутовская. Профессор антропологии. Антропология – это наука о человеке. Марина особенно интересуется тем разделом антропологии, который называется этологией, то есть поведением человека в разных обстоятельствах. Представьте себе, что муж Марины, тоже ученый, занимается наукой экологией. Разница в названии дисциплин – всего одна буква! Исследуют экологи связи, которые существуют в природе. Они очень непростые, эти связи – мы до конца не знаем, как растения и животные зависят друг от друга в их совместном существовании, скажем, на опушке леса или в болоте. И как человек своей деятельностью влияет на природу.

Есть у Марины дочка Полина, которая с детства увлекается биологией, лет с семи вместе с родителями работает в экспедициях и, естественное дело, тоже стала биологом. Представляете, о чем разговаривает это семейство за завтраком?

Марина Бутовская работала в разных странах – в Танзании и Замбии, в Голландии и Франции. Последние годы она интересуется поведением подростков – почему, например, они ссорятся, дерутся и как потом мирятся. Она опрашивает подростков в Чехии и Германии, в Калмыкии и в Армении… Она написала об этом много научных статей и книг. Какой во всем этом смысл? Очень простой – чем больше люди узнают друг о друге, тем лучше они понимают друг друга, и тем больше шансов жить в мире. Люди ведь, несмотря на то, что принадлежат к одному биологическому виду, очень разные, и условия жизни у всех разные, и уровень цивилизации сильно различается, и чтобы

понимать друг друга, надо проявлять терпимость. Это не так просто. Марина Бутовская очень много для этого делает.



Глава 1
Загрызть и накормить

В эти июньские дни в пансионате на берегу Москвы-реки все шло совсем не так, как обычно: на детских площадках не было малышей, вырывающих друг у друга мячик или машинку, никаких футболистов-баскетболистов, и даже над пинг-понговым столом не летали пластмассовые шарики. Не гремела музыка, не слышно было ни шума, ни смеха, ни криков. И вообще – не было детей. Вместо нормальных летних отдыхающих – детей с бабушками и мамами и непарных старичков и старушек, недовольных детским шумом и беготней, – приехали ученые-антропологи на конференцию. Может, кому-нибудь надо объяснять, что это за наука антропология, но Аля-то прекрасно знала, что антропология – самая главная наука на свете, потому что изучает человека. Среди остальных наук тоже встречаются интересные, но они и в сравнение не идут с антропологией. Ведь без человека вообще никаких наук не было бы. Весь мир, какой есть, со всеми его звездами и планетами, с горами и морями, с кошками и собаками, с черепахами, слонами и тараканами прекрасно мог бы существовать без человека, – но некому было бы смотреть умными глазами, думать умными головами и описывать все увиденное и придуманное умными словами на папирусе, изобретенном древними египтянами, или на бумаге, изобретенной китайцами.

Але повезло: ее отец, Петр Алексеев, был антропологом. Вообще-то он был не совсем отец, – он был отчим, но это значения не имело, потому что, полюбив Алину маму, он полюбил и Алю. А недавно у Али появился младший брат. На конференцию малыша не взяли, оставили с бабушкой. Алина мама, актриса, уехала с театром на гастроли. И тогда отчим предложил Але поехать с ним в Подмосковье на конференцию. И вот здесь, в пансионате, в первый же день произошла неприятная история. Серо-полосатая кошка попала в лапы охотничьей собаке, которая разорвала кошку прямо перед окнами столовой. Аля не видела, как это произошло, но слышала лай, потом кошачьи вопли, потом гомон женских голосов: все жалели кошку и ругали собаку и ее хозяина. Когда Аля вышла из столовой, не доев обеда, хозяин таксы жалко оправдывался – мол, собака охотничья и он не может ее наказывать за то, что она следует инстинкту… Но местные тетки про инстинкты ничего и слышать не хотели – ругали собаку, жалели кошку и особенно ее котят, которые жили

под крыльцом домика, где помещалась администрация пансионата.

Алин отчим вышел за ней следом и теперь бормотал у нее за спиной:

– И возразить нечего: великая сила инстинкта…

– А кто теперь котят будет кормить? Можно, я их возьму к нам в номер и выкормлю? – спросила Аля.

– Точно. Великая сила инстинкта, – повторил отчим.

– Это ты про собаку?

– Отчасти про собаку, отчасти про всех этих женщин, которые так встревожились судьбой кошачьих сирот, а отчасти и про тебя… – хмыкнул отчим.

– А я-то причем? – удивилась Аля.

– Ты, как настоящая женщина, сразу же подумала о детях, оставшихся без матери. Инстинкт заботы о потомстве. Боюсь, ты не представляешь себе, как много ты на себя берешь. Если котята маленькие и не умеют еще пить из блюдца, придется часами кормить их из пипетки…

– Я буду! Я буду! – завопила Аля и потянула отчима к крыльцу, под которым жила осиротевшая кошачья семья.

Биологические основы материнства

Женщины, как и самки большинства животных, обладают врожденной предрасположенностью к заботе о детях – материнским инстинктом. Этот инстинкт начинает работать в первые же минуты после появления новорожденного на свет. Едва ребенок касается материнской груди и пытается сосать молоко, в организме матери запускается **сложная цепь физиологических процессов,** которые обеспечивают появление молока. В эти минуты мать испытывает счастье и покой.

Любовь и привязанность матери и ребенка в начале имеют чисто животную основу.

Хотя у самцов нет такого мощного инстинкта, но у многих видов **отцы тоже заботятся о потомстве.**

У небольшой рыбки колюшки именно самцы строят гнезда, приглашают туда самок, откладывающих икру, а потом охраняют будущее потомство и даже вентилируют жилище над икринками.

Однако **психика человека гораздо сложнее, чем у рыб,** хищников или обезьян, и по этой причине материнский инстинкт – не единственное, что определяет отношения между матерью и ребенком. Кошка, выкормив котят, **полностью теряет к ним интерес** и перестает о них заботиться. Не так у человека. Обычно взаимная привязанность – назовем ее любовью – между матерью и ребенком длится всю жизнь и кончается со смертью одного из них. Любовь-инстинкт заменяется более сложными чувствами, и отношения становятся сложнее: в одних случаях к инстинктивной любви добавляется уважение, гордость, сочувствие, а в других, наоборот, отношения между детьми и родителями портятся из-за непонимания, несовпадения взглядов, – по многим причинам. История знает случаи, когда родители убивали своих детей. Вы, наверное, видели картину Репина «Иван Грозный и сын его Иван». Он убил своего сына в припадке ярости, а **причиной его гнева были политические разногласия**. Другой пример, из греческой мифологии, – волшебница Медея, помогавшая аргонавту Ясону похитить из Колхиды золотое руно, вышла за Ясона замуж и родила ему двух сыновей. Когда он захотел ее оставить и жениться на другой женщине, Медея из мести убила своих сыновей.

В антропологии **убийство детей родителями называют «инфантицидом».** Существовали древние культуры, где практиковалось детоубийство. В наше время такого рода преступления очень редки, но не секрет, что иногда женщины **отказываются от новорожденных детей уже в родильном доме,** и те воспитываются либо в детских домах, либо у приемных родителей. В нашем мире такой поступок родителей – отказ от своих детей – не считается уголовным преступлением, но большинство людей не одобряет такое поведение.

Котят оказалось трое. Глазки у них были открыты, и отчим, разглядывая полосатых сирот, заметил:

– Им, во всяком случае, больше недели, так что я надеюсь, до

нашего отъезда они научатся пить из блюдца…

Отчим пошел на лекцию, Аля же раздобыла на кухне молока, в медпункте пипетку и занялась кормежкой котят. Когда они наелись и заснули, Аля заскучала. Никого не было видно, – все обитатели пансионата парились в душном зале на очередном докладе.

Глава 2
Прошу принять в племя!

От нечего делать Аля размечталась: хорошо бы попасть в Африку, своими глазами увидеть саванну с жирафами и зебрами, услышать рычание львов – не в сериале по телевизору, а прямо из африканской деревни… где-нибудь в Серенгети. Одно название чего стоит – Се-рен-ге-ти! Известный национальный парк мира. Вот жила бы она рядом с людьми племени масаи, самым красивым народом на планете… Вообще-то настоящий антрополог никогда бы так не сказал: вот самый красивый народ на планете. Настоящий антрополог непременно подчеркнул бы, что у каждого народа – свое представление о красоте.

Красота по-разному

У китайцев в древности высшим признаком женской красоты считалась очень маленькая ножка. Девочкам из благородных семейств **с самого раннего детства пеленали ступни** особым образом, чтобы нога

прекращала расти. Женщины с такими ногами на всю жизнь становились инвалидами и почти не могли самостоятельно передвигаться. В наше время в Китае больше не пеленают ноги, но обычай держался почти тысячу лет.

У некоторых африканских племен признаком красоты считали очень длинную шею. Для удлинения шеи надевали специальные кольца. Ребенок рос, колец надевали все больше, так что шейные позвонки деформировались. Шея действительно становилась очень длинной, но снять эти кольца было невозможно, потому что без них шея не удержала бы голову… Другие племена особенно ценили удлиненные мочки, и вставляли в них довольно тяжелые камешки, чтобы мочки отвисали до самых плеч.

Нам, современным европейским людям, такое представление о красоте кажется безумным. Но если рассмотреть, что делают наши современники, чтобы выглядеть «красиво», их поведение тоже особенно умным не назовешь. Некоторые мужчины, чтобы нарастить огромные мускулы, многие часы проводят в тренажерных залах и принимают специальные белковые препараты, от которых мускулы становятся рельефнее. **А некоторые женщины делают хирургические операции и вставляют в грудь силиконовые мешочки, чтобы увеличить размер груди.** Большие мускулы у мужчин и большая грудь у женщин считаются «модными». В современной жизни мало кому приходится поднимать большие тяжести – обычно это делают автопогрузчики. Что же касается большой груди, медики знают, что небольшая грудь обычно производит гораздо больше молока, чем огромная.

Последние десятилетия белокожие люди многие часы лежали на солнце, чтобы загореть. Другие облучались под кварцевыми лампами. **В наше время загорелая кожа считается красивой,** хотя полтора столетия тому назад красавицы, наоборот, выбеливали себе кожу специальными косметическими средствами. Обе эти процедуры – солнечное облучение и отбеливающие мази – очень вредны для здоровья и могут привести к серьезным болезням. Но люди в погоне за красотой совершают настоящие безумства. А между тем по-своему красивы и иссиня-черный сенегалец, и белобрысый финн, и желтокожий азиат, и краснокожий

индеец. **Все мы принадлежим к одному биологическому виду,** но представление о красоте у разных народов и в разные исторические времена различаются.

Аля отмахивалась от комаров и мечтала… Вот она идет через крааль, масайское поселение в степи Серенгети, а навстречу ей

идут стройные женщины с корзинами на головах, за спиной привязаны грудные дети… Воины в огненных тогах с копьями и щитами из бычьей шкуры, готовые к поединку со львом…

Каждый юноша, достигший совершеннолетия, мечтает стать воином и равноправным членом мужского союза. Далеко не все взрослые мужчины удостаиваются такой чести. Чтобы стать воином, юноша должен выдержать ряд испытаний – уметь переносить голод, жажду, страх, боль… Испытания также сопряжены с крайне болезненными операциями на теле, и горе тому, кто проявит хоть малейшую слабость – вскрикнет или застонет. Несчастного без малейшего сожаления отволокут с места церемониальных действий, и он уже никогда не станет воином и настоящим мужчиной, не сможет получить достойное место в масайском обществе. Шанс попытать счастья дается только один раз в жизни. Масайские законы жестоки, но и жизнь племени требует постоянного риска, смелости и силы.

Инициация. Кто-то должен уступить!

Инициация – это посвящение в новое состояние, например, из детского во взрослое. У масаев и близких к ним самбуру и датогов инициации мальчиков проходят, когда те достигают 12–14 лет. Их будущая судьба зависит от того, прошли ли они инициацию. Им дается лишь одна попытка. Тот, кто не выдержал испытаний, **навсегда остается неполноценным**. Его и его семью ждет позор и презрение окружающих. Такой человек не имеет права вступать в брак, участвовать во взрослых делах сообщества и в церемониях для посвященных. Воины – самые уважаемые члены масайского сообщества, они же – и самые желанные женихи. Чтобы выбрать себе невесту, воин должен на деле доказать свою доблесть: выследить вышедшего на ночную охоту льва, бросить ему вызов и победить с одним копьем и кожаным щитом, или найти какой-нибудь другой способ продемонстрировать храбрость. Например, в бою с соседними племенами.

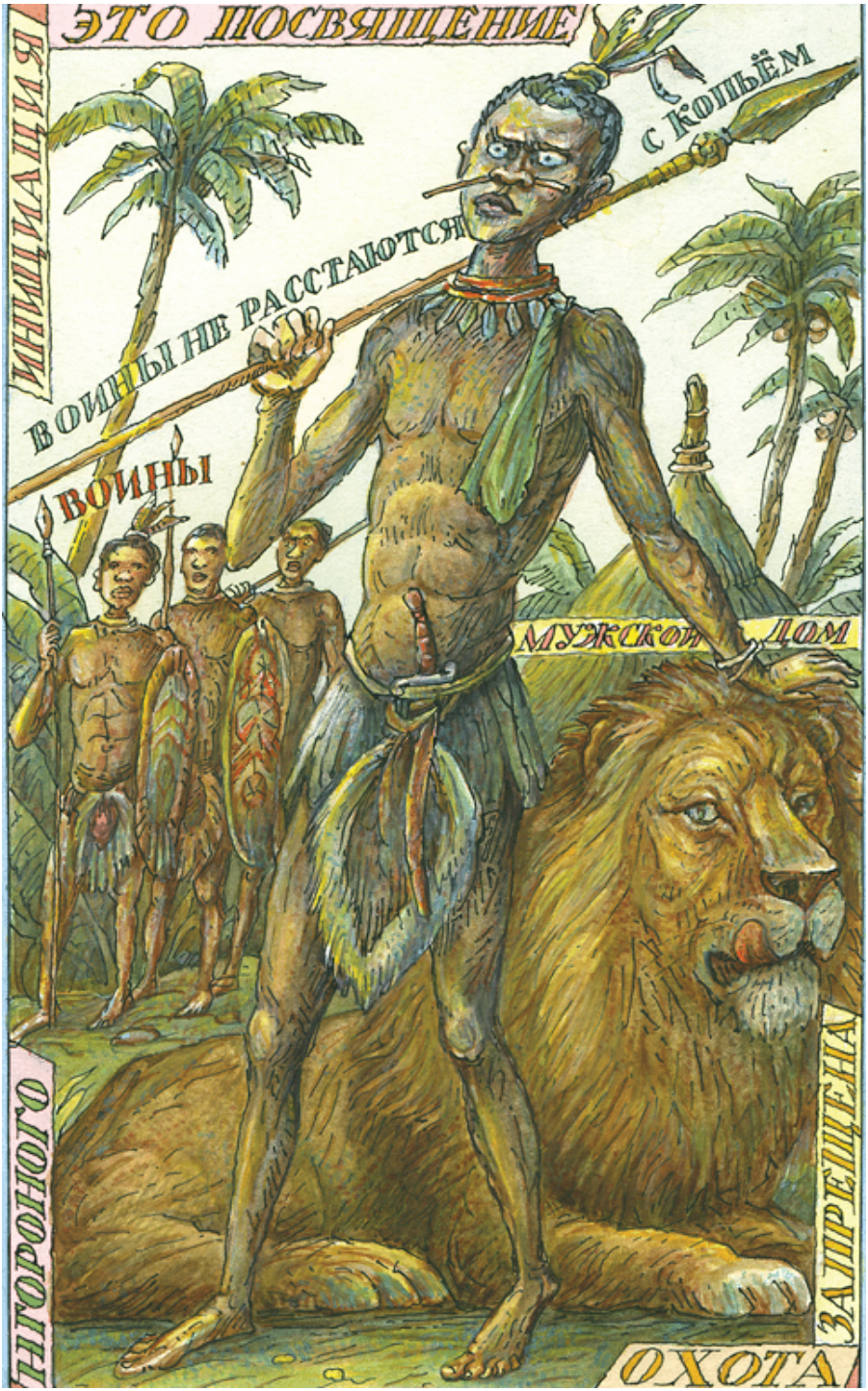
В прошлом масаи полагали, что только они одни являются хозяевами крупного рогатого скота, и поэтому считали себя вправе **устраивать набеги на соседей-скотоводов** и угонять у них скот. Участие в набеге на чужое стадо тоже означало, что молодой человек стал полноправным членом общества. Племена масаи, датоги и самбуру остаются верны своим племенным традициям до сегодняшнего дня. Они ведут жизнь скотоводов,

проводят инициации, носят традиционные тоги. **Воины никогда не расстаются с копьями.**

До сих пор они живут в хижинах, а любимой их пищей остается свежее молоко, смешанное с кровью рогатого скота. Современная цивилизация почти на них не влияет. И только в одном масаям все-таки пришлось уступить: волею судеб, они оказались в зоне крупнейших национальных парков Танзании и Кении, где охота строго-настрого запрещена. Львы, леопарды и гепарды находятся под охраной государства, и **проявлять доблесть, борясь со львом**, пусть даже с одним копьем, теперь никому не дозволено. Международные организации по охране природы много лет назад запретили охоту на львов. Каждый зверь описан и зарегистрирован. В Нгороного, например, **на большинстве взрослых животных ошейники с радиосигналом**.

При таком зорком присмотре шансов на поединок со львом практически не остается – пройти инициацию, убив льва, значит нарушить закон государства. Правда, порой масаи идут на хитрость и, убивая льва, сообщают властям, что тот ночью напал на их крааль и они вынуждены были защищаться. Так древние племена вступили в конфликт с современной цивилизацией. Кто-то должен уступить!

В нашем мире нет инициации, какой она осталась в этих племенах. Но иногда отголоски этих древних обрядов мы находим и в современной жизни: **и сегодня, вступая в армию, новобранцы принимают присягу.** Сохранились и жестокости: когда человек попадает в армию или в тюрьму, он тоже проходит обряд, похожий на инициацию, – **его подвергают испытаниям,** и если он выдерживает, остальные принимают его в свою компанию. А если не выдерживает, ему предстоит занимать самое низкое положение. Человек, который считает себя современным, не должен принимать участия в таких издевательствах.



И вот Аля вообразила, что по краалю ей навстречу идет такой молодой воин, только что победивший льва. Глаза горят

торжеством победителя, а на теле – запекшаяся кровь, то ли льва, то ли его собственная, и взгляд его обращен на Алю, а Аля смотрит на него во все глаза… И не одна Аля. Все почтительно его приветствуют, и самые прекрасные масайские девушки на него поглядывают, а он улыбается Але и машет ей рукой… Ой! А как же быть со львом? Воин, наверное, не знает, что за убитого льва, кроме уважения воинов и восхищения девушек, его ждут и неприятности – немалый штраф, а то и тюрьма! Охота в заповеднике под запретом!

«Нет, – размышляла Аля, – все-таки лучше быть цивилизованным человеком… По крайней мере, не надо соревноваться со львами за место под солнцем!»

Глава 3
Приезд Михи

Неожиданно появился отчим и похлопал Алю по плечу:

– Алька! Алька! Смотри, Михи приехала!

По дорожке к пансионату шла маленькая девочка. На первый взгляд ее можно было принять за африканку – кожа у нее была шоколадного цвета, курчавые волосы заплетены в модные афрокосички. Отчим давно уже рассказал Але удивительную историю этой девочки – она была папуаской из племени айпо и родилась вовсе не в Африке, а в Новой Гвинее. Родная мать девочки умерла при родах.

Внешность девочки была самая что ни на есть папуасская: пухлые губы, широкий нос с горбинкой и очень маленький, по нашим понятиям, рост. Взрослые женщины племени айпо редко бывают выше 140 см. На вид девочке было лет восемь-девять, но Аля знала, что Михи уже тринадцать. За девочкой, таща покалеченный чемодан, лишенный одного колеса, роняя свертки и пакеты, двигались ее приемные родители: светловолосые и голубоглазые Вульф и Марика фон Деннен, немецкие антропологи, изучающие быт и культуру народов Папуа и Новой Гвинеи.

В тот день, когда девочка родилась – тринадцать лет назад, – Вульф и Марика как раз находились в этой деревне. Ученые пожалели сироту и, получив разрешение отца девочки и вождя, ее удочерили. Этим они спасли девочку от смерти. Дело в том, что в семье уже было несколько дочерей и всего один сын, и новая девочка не особенно была нужна семье: папуасы, как и многие другие патриархальные народы, хотят иметь побольше сыновей. Заботиться о новорожденной было некому, и она оказалась в том же положении, что и котята, которых выкармливала Аля.

Вульф и Марика давно работали в этой деревне, местные жители любили их, так как немецкие ученые не раз лечили местных от разных болезней, спасая от верной смерти. Вождь даже считал Вульфа названным сыном. Так девочка из племени айпо стала дочерью двух европейцев.

Девочка получила имя на местном наречии, означающее «нежданно спасенная». По возвращении в Германию родители оформили удочерение по немецким законам, и в официальной метрике у девочки была написано «Михаэла фон Деннен».

С тех пор она жила у приемных родителей, но каждое лето вместе с ними проводила несколько месяцев в Новой Гвинее. Она

не только владела языком своих соплеменников, но хорошо знала традиции айпо и соблюдала все требования, предписываемые женщинам айпо.

С одной стороны, эта Михи была самая обыкновенная немецкая девочка, которая ходила, как все, в школу, смотрела телевизор и каждые полчаса звонила по мобильному телефону маме, чтобы спросить какую-нибудь глупость. С другой стороны, у нее было два родных языка – немецкий и айпо, и всякий раз, приезжая в родную деревню и встречаясь с родственниками, она становилась папуаской.

«Ах, как будет здорово с ней поближе познакомиться! – радовалась Аля. – Я ничего не знаю про жизнь папуасов, а это должно быть так интересно! А может, мы подружимся, и меня когда-нибудь возьмут в Новую Гвинею!»

Взрослые расцеловались, девочек познакомили. Они сразу нашли общий язык – им оказался английский. Обе ходили в английские школы, и хотя Михи говорила по-английски гораздо лучше, чем Аля, они прекрасно друг друга понимали.

Пока родители Михи устраивались, девочки пошли на реку. В бухточке на отмели плавали стайки серебристых мальков, Михи с необыкновенной ловкостью вытаскивала их из воды и снова бросала в реку. У Али так не получалось. Потом они искупались и пошли в соседнюю деревню, где Михи с большим любопытством рассматривала избы. Ее удивляли и толстые бревна, из которых сложены избы, и срубы колодцев, и даже маленькие огороды позади изб. Заметив баньку без окон возле одной избы, Михи спросила:

– А это, наверное, женский дом?

Аля засмеялась:

– Разве бывают женские и мужские дома? У нас все люди живут вместе – мужчины, женщины и дети. А мужские и женские бывают только уборные.

– В Германии тоже. А вот на Новой Гвинее есть отдельные женские и мужские дома.

Мужские и женские дома

Помимо семейных хижин, в новогвинейской деревне

существуют мужские и женские дома, куда лицам противоположного пола вход запрещен. В женских домах папуаски уединяются на период месячных: считается, что общаться с ними в этот период мужчинам опасно. По традиционным представлениям, женщина, у которой месячные, не может готовить пищу, ухаживать за домашними животными, работать в огороде. Несколько «опасных» дней женщины отдыхают с подругами, рассказывают друг другу истории, смеются и шутят. Не забывают, правда, и о работе: плетут циновки, сетки и коврики. В женский дом удаляются также беременные, когда подходит время родов. Ни один мужчина не имеет права переступать порог женского дома под страхом жесточайшего наказания.

Мужчины могут уединиться и пообщаться в сугубо мужской компании в специально построенных мужских домах. Зачастую неженатые мужчины живут там постоянно, а женатые приходят скоротать вечер, обсудить вопросы о войне и мире с соседями. Поскольку в некоторых папуасских племенах принято брать жен из другой деревни, а иногда просто красть, мужчины-папуасы часто относятся к женам с недоверием, не забывая, что те из другого племени.

Кроме таких «женских» и «мужских» домов у некоторых племен даже есть особые тайные «мужские» и «женские» языки. Их открывают только посвященным, и передаются они лишь от женщины к женщине или от мужчины к мужчине.

– И ты была в такой хижине? – спросила Аля.

– Конечно! – сказала Михи. – Когда моя двоюродная сестра рожала, меня туда пустили, и я все-все видела!

– Значит, женская хижина вроде больницы? – уточнила Аля.

– Нет, скорее вроде клуба. Мне там очень нравится.

– А тебя пускают? – спросила Аля.

– Ну, конечно, у меня ведь уже бывают месячные. Вообще-то маленьким девочкам туда тоже можно. А вот мальчикам нельзя. Да они и сами ни за что не пойдут.

– А если больной женщине нужен врач? – поинтересовалась Аля.

– Ну, какие там врачи! – улыбнулась Михи. – Там знахари. Знахарю туда можно, в виде исключения, если женщина серьезно больна и нужна его помощь.

– А во время родов?

– Обычно наши женщины рожают сами, а их матери и сестры помогают. Прошлым летом, когда мы были в Новой Гвинее, рожала моя двоюродная сестра, и никакого знахаря не понадобилось.

Аля сбавила шаг и внимательно посмотрела Михи в глаза.

– Ты хочешь сказать, что ты была при родах?

– Конечно. Я даже помогала, – с гордостью ответила Михи.

Родинный обряд

В те времена, когда **не было больниц и родильных домов,** у каждого народа существовали правила, которым следовали женщины при родах. Так, в старину на Руси существовал «родинный обряд». В русской деревне роженице, как правило, помогали повивальная бабка, мать или свекровь. Роды были таинством, поэтому было принято скрывать их наступление от посторонних, особенно от молодых девушек. Если те ненароком узнавали об этом событии, они должны были немедленно расплести косы – считалось, что роды пройдут быстрее и легче. В доме **развязывали все узлы и веревки,** раскрывали все, что заперто, – двери, сундуки, отодвигали печную заслонку. В христианские времена в тяжелых случаях даже просили священника открыть царские врата в храме. Все это должно было **помочь новорожденному** найти дорогу в мир.

Рожали русские крестьянки преимущественно в бане, хлеву, чулане – словом, вне самого дома. Роды представлялись своеобразным путешествием женщины за ребеночком. Возможно, по этой самой причине, в помещении, где проходили роды, разбрасывали предметы утвари, а роженица должна была все время перемещаться с места на место, через них переступая.

В некоторых местах – например, в Пензенской губернии – ребенка сразу прикладывали к груди. В других областях считали, что **первой едой новорожденного** должен быть хлеб – его разжевывали и засовывали ребенку в рот. Считалось, что если сразу начать ребенка кормить молоком, у него будут плохие зубы.

В колыбель ребенок также попадал не сразу, а лишь в день крещения – иногда это происходило на сороковой день. А до этого ребенка укладывали в обычное корыто, где стирали белье.

Делали это, чтобы обмануть злые силы, которые могут **подменить ребенка в колыбели,** подсунув вместо человеческого младенца своего. Чтобы женщина успешно справилась с нападением нечистой силы, у печи **ставили ухват** для обороны.

У русских, как и у многих других народов, отношение к родам и роженице было двойственным: с одной стороны, роженица несла на себе печать святости, с другой – считалась **«нечистой» и опасной** для

окружающих.

У большинства народов принято обмывать новорожденного ребенка водой. Но не у всех. У готтентотов, коренных обитателей Южной Африки новорожденного ребенка немедленно **обмазывают свежим коровьим навозом** и натирают жиром. Свежий навоз используется как средство дезинфекции у многих народов – особенно у кочевых скотоводческих племен.

У монголов ребенка тоже обмазывали навозом, а роженицу и малыша **укладывали на подстилку** из мелкотолченого навоза – на ней было и сухо и тепло.

– Дело было так, – продолжала Михи. – Когда моя сестра почувствовала первые схватки, она быстро собралась и отправилась в женский дом. Моя бабушка тоже туда побежала и взяла меня с собой. Женская хижина небольшая, там набилось

довольно много женщин, и все было приготовлено: в углу лежала куча хвороста, и тетушка разводила огонь. Сестра моя то садилась на корточки, то ходила по хижине. Мать и бабушка ее все время поглаживали, подбадривали, старались развлечь разговорами. Мне тоже разрешили ей помочь – я вытирала у нее со лба пот, там для этого специально листья приготовили. Я и представить себе не могла, что рожать так трудно. Это самая настоящая работа! Потом схватки стали чаще, и тетя распорядилась, чтобы я обмахивала роженицу большим пальмовым листом. Сестра моя то опускалась на четвереньки, то вновь приседала на корточках – то скрючивалась, то выпрямлялась, и тогда тетя поддерживала ее сзади и давала советы, как лучше дышать и двигаться. Иногда сестра вставала, немного ходила по хижине или стояла, повиснув руками на палке – там специальная палка подвешена к потолку на двух веревках. Тетя и бабушка массировали сестре живот, бока и поясницу.

Все это продолжалось очень долго, но я не уходила, потому что было страшно интересно. Новорожденный появился на свет ближе к утру. Сестра моя в этот момент сидела, расставив ноги, и головка ребенка мягко скользнула на листья, устилавшие пол хижины. Сестра слегка придерживала тельце. Через минуту он уже появился целиком.

Роды – трудная работа

В большинстве традиционных культур женщины

рожают в вертикальном положении. Они сидят на корточках, стоят на коленях либо на полусогнутых ногах, держась за натянутую веревку, цепь от очага или перекладину. Такое положение тела оправдано **с точки зрения законов физики:** тело младенца выталкивается из материнского лона не только благодаря работе мускулатуры, но и под действием силы тяготения.

У других народов женщины рожали сидя – для этого изобрели специальные стулья или кресла. У египтян рожениц усаживали на два особых кирпича, украшенных изображениями головы богини Мешенит, покровительницы новорожденных, и знаками, приносящими счастье. Такие кирпичи называли «родильными». Их можно увидеть в музее. Несколько позднее в том же Египте появился родильный стул, напоминавший по форме гончарный круг. Стул стоял на четырех ножках: считалось, что роженицу охраняют целых четыре богини Мешенит – по одной на каждую ножку. Традиция класть роженицу горизонтально в момент родовых схваток возникла сравнительно недавно, примерно лет 200–250 тому назад в Европе, и, повидимому, объясняется соображениями удобства для врача-гинеколога, принимающего роды. В это время вместо женщин-повитух, тысячи лет принимавших роды, появились врачи-мужчины. Разумеется, врача вызывали только в богатые семьи, а простой народ до недавнего времени пользовался услугами повитух и знахарок. В далеком прошлом главной обязанностью повитух было **перерезать пуповину,** соединяющую мать и ребенка. По-гречески слово «повитуха», в сущности, и означало «перерезающая пуповину». У древних греков, если рождался мальчик, **В качестве награды за труд** повитуха получала пуповину. Пуповину мальчика повитуха могла продать в качестве амулета беременным женщинам, ибо все они страстно желали родить сына.

– Пуповину не перерезали, пока из тела роженицы не вышла плацента, – продолжала свой рассказ Михи.

– Что такое плацента? – спросила Аля, которую настолько ошеломил рассказ, что она даже забывала задавать вопросы.

– Это такое место внутри матки, вроде нароста, к которому прикреплен ребенок во время беременности. Ты что, не проходила еще биологию? – удивилась Михи. Ей и в голову не приходило, что Але, хоть ростом она и выше, только десять лет, и

анатомию человека она еще не проходила. – Ну вот, пока выходила плацента, ребеночек лежал на полу. Плацента была связана с ребеночком пуповиной. Ее надо было перерезать. Небольшим бамбуковым ножом она сама перерезала пуповину. А меня попросили передать роженице кусочки тлеющих углей из костра. Сестра осторожно взяла угольки и прижгла ими ранку.

Пуповина – священный предмет

У русских, как и у многих других народов, пуповина рассматривалась как священный предмет. Как только младенец появлялся на свет, пуповину перерезали в нескольких сантиметрах от живота. Если рождалась девочка, под пуповину подкладывали какие-нибудь предметы женского обихода – например, прялку или веретено. Пуповину мальчика перерезали на топоре. Затем повивальная бабка обмывала младенца и посыпала его солью крест-накрест – от сглаза. Обмывали младенца не только ради гигиены: в древности считали, что до рождения ребенок пребывал в каком-то ином мире, и надо было смыть следы его пребывания там.

Отрезанную пуповину завязывали узелком, тщательно высушивали и прятали в надежное место. Там

она хранилась многие годы и выполняла роль амулета. Иногда ею натирали лицо ребенку, чтобы был красивым. А лет в семь ребенка подвергали небольшому испытанию: предлагали ему развязать на пуповине узел. Если ребенок легко справлялся с заданием, считалось, что он будет умным и удачливым.

– Ой! – воскликнула Аля. – Совсем забыла о котятах! Они, наверное, с голоду умирают! Побежали!

Аля схватила Михи за руку, и они помчались в пансионат к голодным котятам. Михи с большим сочувствием отнеслась к их судьбе, и девочки вместе их покормили.

Сами они, как выяснилось, опоздали на обед, но ругать их было некому, поскольку все взрослые уже сидели в конференц-зале. Впрочем, повариха тетя Маша, которая сочувствовала и котятам, и Але, предложила полную тарелку пирожков с вареньем, что, как известно, прекрасно заменяет любой обед. Заметив Михи, которая скромно стояла неподалеку, тетя Маша ахнула:

– О господи! Это ж надо, какая черная! А что, пироги-то мои она станет есть?

– Станет, станет, – успокоила ее Аля. – Пироги с вареньем все народы едят!

Девочки забрались в беседку, и Михи продолжила рассказ о рождении племянника:

– Когда ребеночек родился, сестра встала и обтерла его листьями. Потом приложила к груди, и тот мгновенно зачмокал. Сестра сказала, что ей уже не больно. Она ходила по хижине, и никто не удивлялся, что она так быстро после родов пришла в себя. Мальчик родился прелесть какой – крупный, здоровый, и всем жен-щинам понравился. У нас, у папуасов, женщины сильные и выносливые. Не то что европейские женщины.

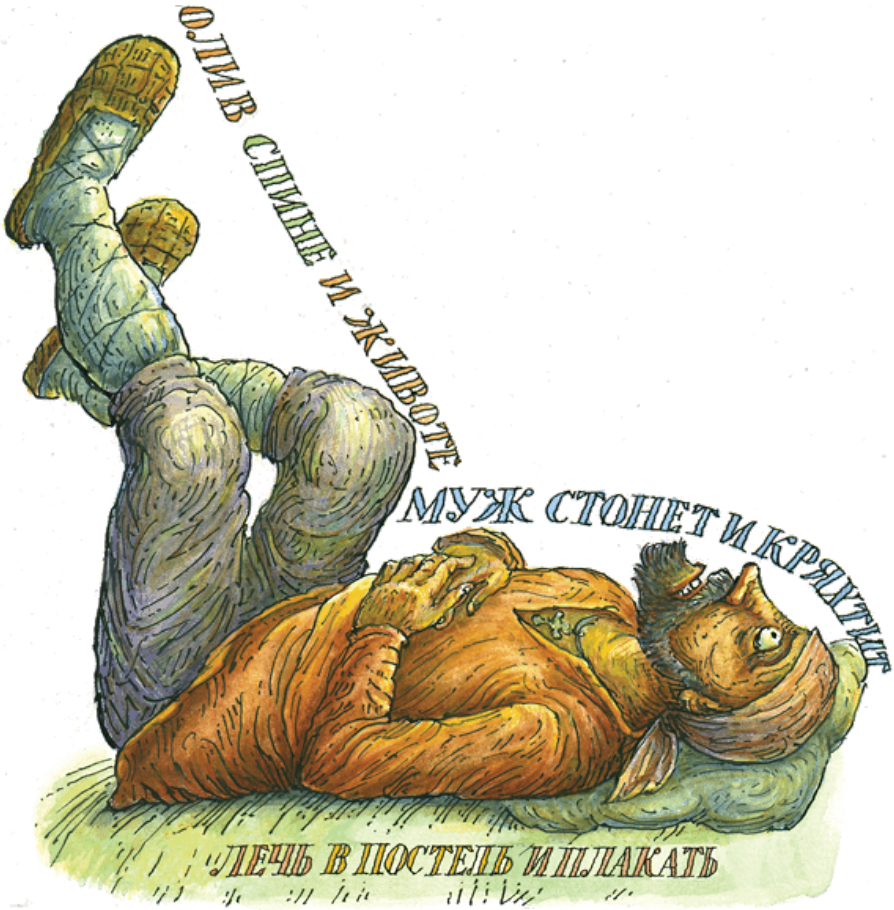
Аля молчала. Ей никогда в голову не приходило, что роды у женщин такой тяжелый и сложный процесс.

– Неужели и мы будем так мучиться? – тихо спросила она. – Мою маму, когда пришло время родить моего младшего братика, забрали на «скорой помощи» в родильный дом, и через неделю она вернулась уже с малышом. Но она сказала мне, что ей, когда она рожала, сделали обезболивающий укол и было совсем не больно.

– Да, в Европе и в Америке женщинам часто делают обезболивание, а папуасские женщины могут рожать сами, – сказала Михи, и Аля вдруг усомнилась: а не придумала ли Михи всю эту историю про роды в женской хижине.

– Знаешь, – вспомнила Аля, – я один раз видела по телевизору, как врачи принимали роды у женщины, а рядом был ее муж. Он здорово переживал, держал жену за руку и донимал акушерку – каждые две секунды спрашивал, скоро ли появится ребенок. А когда ребенок появился, муж чуть в обморок не упал от страха. И пока врачи приводили его в чувство, пуповину перерезала акушерка.

Михи только фыркнула.



Кувалда – «мужские роды»

Хотя роды в древних культурах считаются делом священным и роженица всегда бывает скрыта от глаз посторонних, а особенно от мужа, муж все-таки принимает **особое участие** в этом событии. Ему предписывается особое поведение, которое называют «кувада», или «мужские роды». Этот обычай распространен у разных народов мира, в том числе описан и в дореволюционной России. В народных представлениях, между мужчиной и его женою существует **невидимая связь,** поэтому с самого зачатия не только беременная женщина, но и ее муж должны были соблюдать ряд запретов. Считалось, что если нарушить эти запреты, ребенок **может родиться** больным или уродливым.

Полагали, что связь мужа с роженицей особенно сильна во время родов. По народным поверьям, **муж может облегчить страдания жены,** если согласится

принять их на себя. Тогда **во время родов,** когда жена терпит родовые боли, муж стонет и кряхтит – делает вид, что страдает сам.

На севере России, в Архангельской губернии верили, что родовую болезнь насылает на мужа при помощи колдовства повивальная бабка. В Сибири было такое поверье, что родовые боли на мужа **может наслать жена:** когда ей приходило время родить, у мужа начинали болеть спина и живот, а у самой роженицы ничего не болело. Хотите верьте, хотите нет.

Древний обычай кувады в современном обществе несколько видоизменился – теперь все чаще молодые мужья присутствуют при родах, наблюдают весь процесс от начала до конца, **поддерживают жену вниманием** и сочувствием. Современные психологи считают, что помощь мужчины при родах ребенка положительно влияет на будущие отношения в семье. Но пока что далеко не все женщины приглашают мужей присутствовать при родах, и далеко не все мужчины способны хладнокровно смотреть на это тяжелое и кровавое зрелище.

– Да и в Германии то же самое. После родов женщина несколько дней лежит в постели, о ней заботятся медсестры, и ребенка мать берет на руки, только чтобы покормить, а медсестры пеленают и меняют памперсы. Но ведь у айпо жизнь совсем другая. У них нет больниц и врачей, нет электричества и водопровода, они не знают, что такое телевизор или автомобиль. Если хочешь знать, женщины айпо иногда рожают в лесу или в поле вообще без всякой посторонней помощи и приходят в деревню уже с новорожденным! – с гордостью сказала Михи.

«Ну, это уж точно вранье! – решила Аля. – Вечером спрошу у папы».

Вечером отчим выслушал Алю и серьезно кивнул.

– Да, – сказал он, – все именно так и обстоит, Михи ничего не придумала. Видишь ли, Аля, в нашей современной городской жизни мы слишком отдалились от природы. Даже роды, столь естественный момент в жизни каждой женщины, часто вызывают у девушек панический ужас. У папуасов, да и во многих других культурах, женщины гордятся тем, что у них много детей. А раз детей много, то и роды в семье случаются куда чаще, чем у нас. Дети с ранних лет привыкают видеть близких родственниц беременными, девочки часто находятся поблизости от матери или старшей сестры, когда тем приходит время родить и, как Михи,

помогают чем могут. При этом они набираются опыта и, когда сами подрастают, не боятся родов, как некоторые современные городские барышни.

Крещение и обрезание. Крестины

Крещение – сложный обряд, который в точном переводе **означает «омовение»** и является важнейшим обрядом для всех христиан. Этот обряд обычно совершается над младенцем в первые недели жизни. Обряд крещения **проходят и мальчики, и девочки.** В обряде крещения человека посвящают Богу, и он отрекается от злых сил. В наше время довольно часто крестятся и взрослые люди, но если это младенец, то отречение от сатаны и всех злых сил делает за него крестный родитель. Крестные **выступали в роли** духовных заместителей настоящих родителей. В Западной Сибири распространено было представление о том, что за грехи детей на том свете **спросят не с родителей**, а с крестных: ответ за мальчика будет держать крестный отец, а за девочку – крестная мать. При крещении **человеку нарекают имя** – его обычно выбирали по святцам. Святцы – это специальные **церковные книги, в которых вписаны** имена всех христианских святых и дни, когда церковь их вспоминает.

Крестины в традиционной русской культуре являлись важнейшим шагом в жизни младенца. Только после крещения он **считался полноценным** человеком. Считалось, что если ребенка долго не крестить, он умрет, или же нечистая сила подменит его своим младенцем. Родители **старались поскорее крестить** слабеньких новорожденных, чтобы те, если умрут, не превратились в русалок или бесов. В народе даже была такая поговорка: «Пока **не крещен, его не целуют**: некрещеный ребенок – чертенок».

Обряд, совершаемый над новорожденными у иудеев и мусульман – **обрезание – касается только мальчиков**. После рождения – немедленно, или на восьмой день, или по достижении тринадцати лет – над мальчиком производят операцию: отрезают кусочек кожи с кончика полового члена. Этот кусочек кожи называют крайней плотью. Больше половины мужчин в современном мире **прошли обряд обрезания.** Кроме символического жеста – **подтверждения старого договора с Богом,** согласно которому человек обязуется **не убивать, не** красть, уважать родителей и соблюдать еще ряд правил, о которых мы поговорим в другой книге, – обрезание, как многие считают, **разумно с**

точки зрения гигиенической: под кожицей, которую при обрезании удаляют, часто возникает очаг инфекции. Религиозные обряды **представляют собой символические жесты,** но очень часто в них можно найти и практический смысл.

Глава 4
Мальчик или девочка?

Утром Аля проснулась очень рано – запищали голодные котята. Отчим вытащил всех троих из коробки, и один сразу пристроился сосать его палец. Отчим внимательно разглядывал котят, пощупал каждого и сказал:

– Три кота! Три парня! Здорово!

– А что, если бы они были девочками, было бы хуже? – спросила Аля.

– Я пошутил. Кошке совершенно все равно, девочек или мальчиков она родила. А вот у людей совсем иначе: в традиционных культурах мальчиков всегда предпочитали девочкам.

– Но почему? Это же несправедливо! – возмутилась Аля. – И ты тоже? Ты тоже хотел мальчика?

– Нет, мне было все равно – ты же знаешь, один сын, Кирилл, у меня уже был, а вот у твоей мамы, когда мы поженились, была ты, а мальчика у нее еще не было. Поэтому, когда родился твой младший брат, больше всех радовалась мама. Что касается меня, я очень рад, что у нас в семье есть девочка, – утешил Алю отчим. – Но если говорить о культурных традициях… практически повсеместно – от эвенков до китайцев, все хотели иметь много сыновей. Рождение сына связывали с удачей, богатством, а рождение девочки обещало только лишние расходы…

– Но это просто дискриминация! – воскликнула Аля.

– Ишь ты, какие слова знаешь! – восхитился отчим. – Но в старые времена это всем казалось вполне справедливым.

С днем рождения!

До нашего времени у многих народов к новорожденным девочкам и мальчикам относятся по-

разному: **мальчики чаще бывают желанными**, и их появление на свет отмечается с большим размахом, тогда как рождение девочки нередко повергает родителей в уныние. Сыновья – **продолжатели рода,** носители фамилии, надежная опора в старости. И в России, и в Западной Европе они являлись наследниками титула и недвижимости – прежде всего, земли. Так, по русскому законодательству женщина не могла владеть пахотной землей. Только мужчины, достигшие восемнадцати лет, могли **получить земельный надел,** а когда они вступали в брак, община давала им дополнительный надел. В этих условиях, если у родителей рождались одни девочки, получалось, что количество ртов в семье возрастало, **а земли не прибавлялось.** Более того, если мужчина, не имеющий сыновей, умирал, его земля переходила не жене и дочерям, а родственникам мужа.

В Афинах при рождении сына счастливые родители украшали двери дома оливковыми ветвями, в Иерусалиме – бегали по улицам, громко восклицая: «У нас родился сын!». А у цыган о рождении ребенка сообщал не сам отец, а родственницы по женской линии – они обходили шатры с ведром воды и **брызгали водой на людей** и утварь. Хозяева желали ребенку здоровья и счастья и, если это был мальчик, бросали в ведро золотые или серебряные монеты в подарок новорожденному.

Если в семьях китайцев, монголов, бурятов и калмыков все родившиеся сыновья умирали в раннем младенчестве, **родители шли на хитрость,** и, чтобы обмануть духов, нарекали новорожденного сына женским именем и одевали в женскую одежду.

– А я бы хотела, чтобы у меня было двое детей – мальчик и девочка, – вставила Аля.

– Я думаю, недалеко время, когда ученые смогут это регулировать. Не уверен, что это так уж хорошо, – вздохнул отчим. – Во всем мире множество людей, как в древности, предпочитали бы рожать сыновей. И тогда очень скоро оказалось бы, что не хватает женщин, некому рожать детей… Природа очень мудра, поэтому обычно у людей рождается приблизительно одинаковое количество мальчиков и девочек.

– Я знаю, что будет, если все будут заказывать мальчиков! – засмеялась Аля. – Невеста будет страшно дорого стоить!

– Да, да! И мы с мамой страшно разбогатеем, взяв за тебя огромные деньги! – пошутил отчим.

Аля задумалась. Ей такое предложение не понравилось.

– Нет! Я так не хочу! – рассердилась она. – Я хочу выйти замуж за человека, которого полюблю, а не за того, который сможет меня купить за большие деньги! Как тебе не стыдно такое говорить!

– А-а! Вот оно в чем дело! Значит, ты хочешь жить в таком обществе, где ценность человека зависит не от его пола, а от каких-то других качеств? – спросил отчим.

– Конечно! – воскликнула Аля. – Например, от ума!

– Умница! Ты – современный человек! – похвалил отчим.

– Доброе утро! – В номер вошла Михи. – Я тоже хочу кормить котят!

Через десять минут котята с раздувшимися от молока животами спали в коробке.

Как раз в этот момент пришли родители Михи, и вся компания пошла на завтрак.

Глава 5
Свиные сосиски и похороны кошки

Пшенная каша очень понравилась Михи, – такой она не ела ни в Германии, ни в Новой Гвинее. После каши принесли сосиску с макаронами. Михи потянула носом:

– Свинина.

– Ты можешь отличить по запаху свинину от говядины? – удивилась Аля.

– Конечно. В Новой Гвинее женщинам не полагается есть свинину. Ее едят только мужчины. А я вот ем! – улыбнулась Михи.

– Почему? – еще больше удивилась Аля. – Почему женщины не едят свинины?

Михи пожала плечами:

– Не знаю. Запрет. Просто у папуасов считается, что свинина – еда только для мужчин.

Михи откусила сразу пол сосиски.

– Эти традиционные культуры вообще к женщинам несправедливы, – заметила Аля. – Это мне папа сказал. Наверное, просто мужчинам жалко отдавать женщинам вкусную еду. Ну и не надо. – И Аля отодвинула тарелку с сосиской.

– Возьмем с собой. Захочется есть – съедим. – И Михи, завернув сосиску в салфетку, сунула ее в карман. Туда же пошел и хлеб, оставшийся от завтрака. – Михи подмигнула: – Папуасы не оставляют еду!

Родители Михи и Алин отчим были увлечены каким-то научным разговором.

– Пап, можно на речку? – вмешалась Аля.

– Да, но не забудьте вернуться к обеду! – Отчим поцеловал Алю в макушку, и все разошлись: взрослые в конференц-зал, а девочки – к реке. Михи понеслась не по центральной аллее, которая вела к маленькому песчаному пляжу, а напрямик через кусты. Аля помчалась за ней. Неожиданно Михи остановилась:

– Аля! Мертвое животное!

– Где?

Михи принюхалась. Действительно, под кустом лежала мертвая кошка. Вид ее был ужасен. Аля никогда прежде не видела мертвых животных. Каждый человек помнит, как страшна эта минута, когда впервые открывается картина смерти.

Даже если это всего лишь воробей или кошка. Аля оцепенела.

– Надо ее зарыть, – решительно сказала Михи и тут же голыми руками очень ловко начала рыть яму.

Потом взяла труп кошки – Аля ни за что бы к нему не прикоснулась! – положила в ямку и засыпала землей и травой.

– Эта та кошка, которую загрызла собака. Мать наших котят. Наверное, собака утащила ее в кусты и бросила, – тихо сказала Аля.

– Все. Зарыли и пошли. – Михи обтирала руки о траву. – Ну, что ты стоишь?

И Михи понеслась к реке, а Аля поплелась за ней. Кошка не выходила у нее из головы.

– Давай поплывем на остров! – предложила Михи на берегу. Аля ни разу так далеко не плавала, но с Михи ей не было страшно. Та, хотя ростом была невелика, плавала отлично.

На острове Михи нашла пустое птичье гнездо, сказала, что птенцы уже вывелись. Потом девочки вернулись на берег и решили, что пора съесть сосиску.

– Мы ее пожарим на костре! – предложила Михи.

– Надо за спичками в пансионат сходить, я сбегаю! – И Аля встала, чтобы сбегать в номер за спичками. Но Михи ее остановила:

– Не надо. Я сама. А ты собери сухих веток.

Глава 6
Дикая культура и культурная дикость

Михи достала из кармана мешочек из грубой ткани. В нем лежало несколько плоских щепок с углублениями и гладкий колышек. Михи вставила колышек в углубление и стала быстро крутить его в ладонях. У Али дух захватило от изумления: это был древнейший способ разведения огня, которым пользовались первобытные люди! Неужели у Михи получится?

Довольно скоро от щепки начал подниматься дымок. Михи помогала огню разгореться, дуя на тлеющую щепку. Через минуту-другую Аля увидела язычки пламени. Михи ловко подкладывала в огонь сухую траву, мох и тоненькие прутики. Костер разгорелся, и девочки сели рядом на поваленное дерево. Аля совершенно забыла про сосиску. Но Михи не забыла. Она наколола сосиску и хлеб на тонкую веточку и обжарила. И все это она делала так умело, что Аля даже позавидовала. Хорошо быть папуаской!

В этот момент Аля забыла, что еще недавно она мечтала быть девочкой из племени масаи. Сегодня ей хотелось быть папуаской – она бы тоже умела разжечь огонь без спичек!

Они быстро съели свой «шашлык». Михи посмотрела на догорающий, почти не видимый на солнце огонь и сказала Але:

– Папуасы очень уважают огонь.

– Уважают? Как это? – спросила Аля.

Понизив голос до шепота, Михи сообщила:

– Когда у папуасов кто-нибудь умирает, его тело сжигают, а пепел родственники добавляют в специальную поминальную еду.

– Врешь! – изумилась Аля.

– Нет, я была на похоронах и ела такую еду с пеплом.

Михи не шутила, лицо ее было серьезным и даже строгим.

– Но это отвратительно! Это противно! – воскликнула Аля. Ей показалось, что ее сейчас вырвет только что съеденной жареной сосиской.

Михи укоризненно посмотрела на Алю:

– Нисколько не противно. Так выражают уважение умершим родственникам, принимают в себя частичку их тела.

– И нельзя отказаться? – ужаснулась Аля. Ей уже не хотелось быть папуаской.

– Нельзя. Предки обидятся и не будут помогать.

Аля задумалась. Костер догорел. Михи взяла горстку золы.

– Ты в это веришь? Что предки помогают после смерти? – спросила Аля.

– Папуасы все так считают, – пожала плечами Михи.

Культ умерших

Похороны в каждой культуре отражают представления людей **о загробной жизни,** о посмертном существовании, о возможности прихода умершего человека вновь на Землю **в новом качестве.** Отношение к покойнику часто оказывается двойственным: о нем скорбят, продолжая горячо любить и желая постоянно ощущать его присутствие рядом, и одновременно могут отчаянно его бояться. Поэтому в большинстве культур в древние времена кладбища даже выносились за пределы города. Однако в традиционной абхазской культуре, например, близких родственников могут **хоронить прямо в саду** около дома. По традиционным представлениям абхазов, душа умершего окончательно покидает наш мир лишь через год после смерти. Тогда устраивают пышные поминки – считается, что именно в этот день душа покойного окончательно прощается с

близкими. На поминках собираются его **родственники и друзья.** Им полагается много шутить и смеяться, чтобы устроить душе усопшего приятные проводы, а в конце поминок разыгрывается особое шуточное представление.

В традиционных обществах привязанность между родственниками проявлялась при жизни в том, что они стремились селиться поблизости друг от друга, а после смерти желали и **лежать рядом.** Так возникали родовые погребения. Родовые усыпальницы порой достигали колоссальных размеров и соперничали по роскоши убранства с домами живых, а иногда были даже роскошнее. Быть **захороненными вместе** считалось преимуществом – **только близкие родственники** могли претендовать на это право. У малагасийцев, жителей Мадагаскара, по этому поводу имелось специальное выражение, указывающее на близкое родство: «Мы с тобой люди одной могилы».

У везу, одной из народностей Мадагаскара, когда кто-нибудь умирал, родственники начинали шумно его оплакивать. На этот плач приходили соседи. Когда у дома собиралась большая толпа, покойника выносили из хижины, при этом хлопали в ладоши и пели хвалебные песни в его честь. Многие **танцевали под барабаны.** Пение и танцы продолжались всю ночь. Мужчины тем временем выдалбливали в двух стволах деревьев углубления для тела покойного. Утром труп помещали в один из стволов, накрывали другим и **несли хоронить под плач** и горестные вопли родственников. В день похорон сжигали хижину, где умер покойный, и его личные вещи, поскольку считалось, что усопшему будет неприятно, если кто-то станет пользоваться его имуществом. В знак траура через неделю после похорон родственники усопшего одевались во все черное и **расплетали волосы.** Мужчины не могли бриться или остригать волосы на протяжении всего траура, который мог длиться годами, если умер **самый близкий родственник** или супруг.

Некоторые народы далекого прошлого, к примеру, неолитическое население лесной полосы Восточной Европы, по-видимому, очень боялись усопших. Чтобы те не смогли **воскреснуть и выйти из могил,** их связывали или перед захоронением отсекали им стопы.

Похоронные обряды и ритуалы у многих народов исключительно сложны и требуют огромных затрат. В

Древнем Риме **похороны стоили целых состояний,** а иногда и человеческих жизней.

Древние римляне верили, что, умирая, люди превращаются в божества. Они **называли покойников богами** Манами, Ларами или Гениями. Могилы, в сущности, являлись храмами погребенных божеств. Не случайно на них часто встречалась надпись «царство Манов». Перед могилами всегда **воздвигались алтари** для жертвоприношений. Считалось, что покойник является божеством-покровителем для своих близких. Представлялось, что умерший принимает деятельное участие во всех мирских делах. К нему обращались за помощью и защитой, а усопший, как полагали, любил тех, кто приносил ему на могилу пищу и напитки. Если же родственники по каким-либо причинам переставали «кормить» умерших, те вскоре выходили из могил, и в ночной тиши люди слышали **наводящие ужас вопли.** Голодные духи насылали на родственников болезни и бедствия и не оставляли живых в покое до тех пор, пока те не начинали вновь носить пищу и возлияния на могилы.

Вечером Аля рассказала отчиму все то, что поведала Михи о папуасских похоронах. Аля немного надеялась, что отчим рассмеется и скажет, что все это чушь – ее надули как маленькую.

Он кивнул:

– Михи сказала правду. Она нисколько не старалась тебя разыграть. У многих племен Новой Гвинеи культ почитания усопших включает в себя и ритуальное поедание покойника. Иногда и не только пепла. У форе, племени, которое живет на Восточном Нагорье Новой Гвинеи, до начала XX века сохранялась ритуальная трапеза, при которой поедались кусочки мозга умершего. А у другого новогвинейского племени, якай, развит особый культ почитания предков. Они высушивают труп усопшего в хижине у огня или подвешивают между деревьями, завернув в циновки, пока мягкие ткани не разложатся. Мумию усопшего, или его мумифицированную голову помещают в особую хижину поблизости от дома и регулярно наведываются туда с подношениями – приносят пищу, цветы или украшения. Иногда голову умершего украшают цветной глиной, ракушками и камешками.

– Какой кошмар! – только и сказала Аля.

– Да, современному человеку это трудно вообразить. Но самое ужасное в другом: антропологи считают, что из-за этого у папуасов случается тяжелое заболевание нервной системы – куру.

– Пап, это просто какие-то страшные сказки!

– Правильное замечание. Но, изучая эти самые страшные сказки, ученые многое узнали о культуре народа.

– Ничего себе культура! Это дикость какая-то, а не культура!

И тут отчим неожиданно рассердился:

– Нет, Аля, это не дикость. Дикость – это когда человек не выполняет принятых в обществе правил. А ритуал, даже самый неприемлемый на взгляд современного европейца, – это элемент культуры. Другой культуры, не такой, как наша, очень древней и в современном мире почти всюду исчезающей. А неуважение к такой культуре и есть самая настоящая дикость!

Жертвоприношения на похоронах

Во многих культурах прошлого похороны знатных людей – **царей, жрецов, колдунов** – часто сопровождались человеческими жертвоприношениями. В древней Индии считалось нормой, чтобы жена покойного

кончала жизнь **на погребальном костре** мужа. В ряде традиционных африканских и азиатских обществ на похоронах вождей и царственных особ **умертвляли всех слуг** покойного, его жен и любимых животных.

Вот как, к примеру, хоронили знатного римлянина-полководца. Его близкие родственники подняли на плечи **смертное ложе** с покойником и понесли на кладбище. Процессию возглавляла личная почетная охрана. Далее двигались музыканты, выводившие печальные мелодии, вслед за ними плясали танцовщики, на некотором расстоянии от них **перемещался глава мимов,** загримированный под покойного, изображающий его осанку и походку. За ним двигались люди в раскрашенных восковых масках, изображающих портреты предков покойника. За этими актерами несли тело умершего, а за ним на погребальных носилках следовали символы его прижизненной власти и награды. За этими носилками шествовали **родственники и друзья** – мужчины в синих одеждах (синий считался цветом траура). Похоронную процессию замыкали женщины. Они плакали и голосили что есть мочи. Специально обученная плакальщица руководила жестами скорби служанок и дирижировала их причитаниями. Перед тем, как носилки с покойником водрузили на **погребальный костер,** мать покойного открыла ему глаза и всунула между зубов мелкую **монетку для уплаты** перевозчику на том свете. Чтобы усопший ни в чем не нуждался на новом месте, ему вдогонку **На тот свет отправили** любимых животных: лошадей, собак, попугаев и даже соловья. Землю окропили вином, молоком и кровью жертвенных животных. Люди, пришедшие почтить умершего, чередой **прошли вокруг костра,** и каждый бросил в огонь подарки для уходящего: духи, мирру, корицу, вино, масла. На жертвенный костер водрузили также различные кушанья. Женщины **рвали на себе волосы** и бросали их в костер. Они душераздирающие вопили, в кровь расцарапывали себе лица, били кулаками в грудь.

На похоронах знатных римлян устраивались также гладиаторские бои, которые часто заканчивались гибелью всех участников сражения. Нередко здесь же у костра добровольно кончали с собою близкие слуги умершего или – если усопший был полководцем – солдаты, воевавшие под его началом.

Целую неделю, пока шла конференция, Аля и Михи провели вместе. К концу недели котята научились пить молоко из блюдца, подросли и потолстели. Накануне отъезда, покормив котят,

девочки играли с ними и размышляли об их дальнейшей судьбе. Михи взяла на руки одного котенка, самого крупного, с черным хвостом, и звереныш легко куснул ее за палец.

– Вот этого я бы забрала с собой в Германию. А в середине июля, когда мы поедем в Новую Гвинею, я бы взяла его с собой. И подарила бы двоюродной сестре! – сказала Михи.

Аля посмотрела на котенка с уважением: такой маленький – а какая увлекательная поездка ему предстоит!

Из двух оставшихся Аля выбрала самого маленького, с большими ушами и белым пятном на лбу.

– А я бы взяла этого. Если папа разрешит… – добавила она с надеждой. – А третьего можно отдать Кириллу.

– А кто такой Кирилл? – спросила Михи.

– Кирилл – мой сводный брат. Его отец мне отчим, а мамы вообще разные, – объяснила Аля. – Он меня старше, но мы с ним дружим.

– Насчет котят – очень хорошая мысль, – обрадовалась Михи. – Главное, что, когда котятам захочется повидать своих братьев, мы сможем устроить такую общую вечеринку: наши котята и их хозяева – ты, я и твой брат Кирилл.

– Думаешь, родители разрешат? – усомнилась Аля.

– Я уверена. – Михи встряхнула своими африканскими косичками. – Дело-то хорошее!

В тот же вечер участники конференции разъехались по своим странам. Неизвестно, остались ли довольны мероприятием взрослые, но Михи и Аля считали, что им повезло: они подружились и к тому же обзавелись котятами. По дороге домой Аля придумала стихотворение:

А у нас есть в подружках папуас.
А у вас?